

ПРОЛОГ

Дело было на игровой площадке в школе: кто-то крикнул «Эни-бени-жаба!», и все посмотрели на Джинни, а потом рассмеялись. И потом все время звали ее жабой.

Вечером в ванной Джинни попросила папу, чтобы тот тер мочалкой сильнее.

— Но зачем? — удивился он. — Ты же и так до блеска отмылась.

— Нет, я грязная.

— Ничего ты не грязная, глупышка.

— Но я ведь не такая же, как остальные. Хочу, чтобы моя кожа была того же цвета, что у них. Они меня дразнят жабой.

— Просто у тебя кожа одного цвета, а у них — другого, это нормально, — возразил папа.

«Но почему для меня нормально быть не такой как все?» — хотела спросить Джинни. Ведь даже папина кожа была светлой. Но он поцеловал ее, завернул в полотенце и хорошенько растер. Сначала она не могла говорить, а потом забыла, что собиралась сказать. А называть жабой ее в школе перестали.

ГОСТЬЯ

Дело было жарким днем в конце летнего семестра. Джинни уже исполнилось шестнадцать. Она пришла домой из школы и увидела, что папа уже вернулся с работы и разговаривает с незнакомой женщиной. Обычно он приходил только после шести вечера: Джинни к тому времени уже успевала разделаться с домашними заданиями, почистить картошку, приготовить салат или придумать еще что-нибудь на ужин. Папа не предупредил, что сегодня вернется раньше. Джинни услышала голоса, когда вошла на кухню, и тут же почувствовала, как тревожно сжалось сердце.

Они сидели в гостиной. Папа казался озадаченным, его гостья — дама в костюме — улыбнулась и протянула Джинни руку, которую та автоматически пожала.

— Это Венди Стивенс, — сказал папа.

Венди Стивенс была женщиной крупной — Джинни даже назвала бы ее толстой. Копна ее

светлых волос была аккуратно уложена в прическу, больше подошедшую бы певице «кантри», фигуру обтягивал темно-синий костюм, щеки были нарумянены, глаза подкрашены, лоб блестел от пота. А еще она постоянно улыбалась, когда говорила. И задавала — очень дружелюбно — множество вопросов о школе, хобби, занятиях спортом, моде и музыке, но из-за этих вопросов Джинни уже через пять минут растерялась и начала сама себе казаться бунтаркой. Папа ушел на кухню; нетрудно было заметить, что он рад возможности сбежать.

— А кто вы? — спросила, наконец, Джинни. — Вы дружите с папой?

— Нет, я работаю в отделе социальных услуг. Не здесь. В Ливерпуле.

— Вы социальный работник? — немедленно преисполнилась подозрений Джинни.

— Отчасти. А что? Ты не любишь социальных работников?

— Я ни с кем из них не знакома. Просто интересно, почему вы задаете все эти вопросы.

— Хочу познакомиться поближе, — улыбнулась Венди.

— Но так мы не познакомимся... Спорт, мода и музыка — все это не определяет меня.

— Еще я знаю о твоём хобби.

— Хобби?

— Рисование. Живопись.

— Это не хобби, — решительно возразила Джинни. — Не хочу показаться грубой, но... зачем вы здесь?

- Тебя это беспокоит?
- Ага. Вы нас проверяете, или что?
- Что я могла бы проверять?
- Ну не знаю.
- И все же?

Джинни решила, что все это какая-то дурацкая игра, но тут одно воспоминание заставило ее вздрогнуть. Совсем недавно в новостях рассказывали о том, как социальные службы не успели вовремя забрать ребенка у агрессивного отца. Был и другой случай: сотрудники увезли ребенка, а позже выяснилось, что его отец ничего такого не сделал. Не потому ли к ним явилась Венди Стивенс? Неужели кто-то решил, что Джинни бьют дома? Они ведь живут без мамы. Вдруг ее хотят разлучить с отцом?

Джинни встала и подошла к окну, выходящему в крохотный палисадник у крыльца и поля, раскинувшиеся до самого моря. С этими социальными работниками не угадаешь. Она не знала, в их ли власти увезти ее, но кажется, они имели право забирать детей у родителей — и не важно, соглашались те на это или были против. Глупость какая-то. Никто ни за что бы не поверил, будто папа может причинить ей боль. Это же невозможно.

— Ты как будто привидение увидела, — сказала Венди Стивенс. — Я настолько тебе не нравлюсь?

Скрипнула дверь: на пороге появился папа, держа в руках поднос с чашками и тарелочками с печеньем. Джинни сразу поняла: что-то не так.

Очень хотелось сбежать на пляж, но если остаться, можно будет показать — у них с папой нет никаких проблем. Может, Венди Стивенс увидит это, уйдет и оставит их в покое.

Поэтому она села пить чай со взрослыми: передавала печенье, болтала о школе, а Венди Стивенс в какой-то момент начала поглядывать на часы и собирать документы, которые были у нее в руках. Бумаги постепенно снова переключали в вишнево-красную пластиковую папку с зелеными уголками и выцветшей наклейкой «Поддержим шахтеров».

— Приятно было познакомиться с тобой, Джинни, — сказала она, наконец поднимаясь на ноги. — Надеюсь, мы встретимся снова.

Пожав ей руку, Джинни улыбнулась и кивнула, а потом принялась собирать чашки и тарелки, пока папа провожал гостью к припаркованному на улице «Рено».

— Зачем она приходила? — спросила Джинни, стоило ему вернуться. — Задавала все эти вопросы. Исключительно дурацкие: про музыку и прочую ерунду. Как будто пыталась меня опекать.

— Может, это моя новая подруга.

— Нет, у тебя вкус получше.

Папа улыбнулся, но ощущение беды никуда не делось. Подойдя к раковине, он начал мыть посуду.

— Так в чем дело? — настаивала Джинни.

— Ничего особенного... Помнишь, мы раньше жили в Ливерпуле?

— В том подвальчике, где тебе приходилось спать рядом с холодильником?

— С холодильником? Нет, холодильник был в Хаммерсмите. А в Ливерпуле социальные работники помогали нам с тобой, когда я допоздна задерживался на работе. Там было что-то вроде яслей. Венди Как-Ее-Там работала в них и запомнила тебя.

— Вряд ли она проделала весь этот путь ради возможности снова повидаться со мной.

— Нет, мы пока не настолько знамениты. Она ехала с конференции в Аберистуите и заглянула узнать, как дела. Не более.

«Да ну конечно», — подумала Джинни, но вслух ничего не сказала. Просто вернулась в гостиную, достала учебники и принялась за последнюю домашнюю работу по французскому языку. Впереди маячил экзамен.

* * *

Французский занимал особое место в ее сердце, наравне с живописью. Джинни считала его своим родным языком — и языком своих родных. На нем говорила ее мать. Она умерла через неделю после родов, так что Джинни выучила французский не благодаря ей, но все равно очень им гордилась, как гордилась и матерью, и цветом кожи, и своим необычным происхождением. Ее отец был белым англичанином, мать приехала с Гаити, где говорили на французском и креольском, поэто-

му Джинни подошла к изучению языка с любовью и рвением: он будто принадлежал ей, как принадлежал валлийский остальным детям в школе. Она и валлийский добросовестно учила, но он казался ломаным и чужим. Говоря на французском, Джинни чувствовала себя дома.

Поэтому заданные на дом упражнения она обычно выполняла с удовольствием, представляя мысленно день, когда будет знать язык идеально и отправится в Париж — изучать искусство или на Гаити — искать дальних родственников. Обычно, но не сегодня. Сегодня что-то было не так. Папа что-то недоговаривал.

Джинни смотрела вдаль, на песчаные дюны, тянувшиеся в полутора километрах от дома, и гадала, не мог ли кто-то пожаловаться на отца в социальную службу. Наверное, все дело в этом. Но кто, соседи? Мистер и миссис Прайс, начальник станции на пенсии и его жена-инвалид? Лакстоны, державшие домашнюю гостиницу? Конечно нет. Они хорошие люди. Глупо все это. Джинни вернулась к заданию, а до ее слуха с кухни, где готовил папа, доносились звуки радио, стук ножа по разделочной доске и шум закипающего чайника.

* * *

Папе Джинни принадлежал небольшой бизнес: он устанавливал компьютерные системы на фабриках и в офисах и обслуживал те, что уже были

установлены. После того как мать Джинни умерла, он так и не женился. В свои тридцать семь он выглядел так, будто перенесся в наше время из другой эпохи: назвать его красивым было нельзя, но с возрастом он приобрел шарм, который был присущ звездам кино тридцатых и сороковых годов. Он носил бороду и, если добавить к ней пеструю повязку на голову, золотую серьгу в ухе и зажатый в зубах кинжал, можно было бы хоть сейчас играть в «Пирате» вместе с Джином Келли. Джинни видела этот фильм по телевизору на Рождество.

Джинни с отцом были очень близки, почти как брат с сестрой, как равные. Он гордился ею — ее талантом, ее усердием. Она, в свою очередь, гордилась отцом: его энергичностью и привлекательностью. У него было множество девушек. Джинни привыкла считать их его компанией для завтрака, в детстве, спускаясь вниз утром, она то и дело заставляла на кухне странных женщин. Первое время она была уверена, что они приходят к завтраку. Потом поняла: они завтракают потому, что оставались на ночь, однако зачем именно, она не понимала, пока случайных девушек не сменила одна. Ее звали Холли, и она задержалась на полгода. Джинни, чувствуя, что нужно же иметь уважение, даже спросила, не собираются ли они с папой пожениться. Вскоре после этого Холли исчезла.

Ревности к ним Джинни не испытывала: отец всегда находил занятие и для нее. С одной из случайных спутниц он отправился на обед — и взял

дочь с собой, чтобы та училась жизни. Для другой Джинни помогла выбрать подарок на день рождения. А еще они с папой постоянно обсуждали всех этих девушек: Анну, которая обожала тосты с беконом, Терезу, которая почти ничего не ела, Мейр, которая в душе пела гимны.

Все они, конечно, были белыми. Джинни и не ожидала, что ее отец будет искать свою новую любовь среди темнокожих только потому, что такой была мама — в этой части Уэльса вообще непросто было найти людей с другим цветом кожи, — но когда обстоятельства начинали давить на нее, это было частью ее ноши. Ничего не менялось: она так и оставалась черной девочкой в мире белых, с тех самых пор, как ей впервые об этом напомнили. О, та считалочка про «эни-бени-жабу»... От одного воспоминания в груди Джинни разгоралась ярость. Но эта проблема не требовала срочного решения. Пока не требовала, но Джинни уже исполнилось шестнадцать и, хотя она считала себя симпатичной, и папа твердил то же самое, и подружки, но парни... Парни были трюсами. Ни один из них не решался выделиться из толпы и встречаться с темнокожей девчонкой. Джинни прекрасно это понимала. Ни один так и не позвал ее на свидание. Да если бы и позвал, все равно ничего бы не вышло, ведь они продолжали бы чувствовать себя не такими как все, это вечно примешивалось бы к их отношениям. Джинни удалось отогнать эту мысль, спрятать ее подальше, но она никуда

не делась и дожидалась своего часа. Однажды эту проблему придется как-то решать.

— Ужин готов, — окликнул ее из кухни отец.

— Я не голодна, — тихо ответила она, но все равно села за стол. И спросила, глядя поверх разделавшего их каре из ягненка и салата: — Зачем она приходила?

— Просто ехала мимо.

— Но к нам нельзя заехать по дороге из Аберистуита в Ливерпуль.

— Наверное, на выходные собиралась куда-то еще. Как знать? И какое нам дело?

— Мне она показалась глупой.

— Думаю, она это заметила.

— В каком смысле?

— Ты была не слишком тактична.

— Я?

— И смотрела на нее, как на ядовитую змею.

— Неправда...

— Впрочем, вряд ли это имеет значение. Не думаю, что она еще у нас появится.

— У нее было очень много документов. Они имеют какое-то отношение ко мне?

— Конечно нет. Салат доедать будешь?

* * *

Когда обед был закончен, Джинни помыла посуду, а потом ушла на улицу: вниз по дороге, ведущей к пляжу. Так уж получилось, что их дом — и два соседних — стоял на короткой улочке, которая

вела от главной дороги прямо к морю. По одну ее сторону перекачивались бесконечными волнами поросшие травой высокие холмы — еще не горы, но так похоже. По другую тянулось побережье, мир магии и красоты, царство, в котором Джинни чувствовала себя королевой.

Участок между главной дорогой и морем был примерно полтора километра в ширину и напоминал слоеный пирог: сразу за насыпью начиналось поле, ограниченное с одной стороны улицей, на которой стоял дом Джинни. За домом тянулось другое поле — его пересекала железная дорога, а после — еще поле, до самых песчаных дюн и прятавшегося за ними пляжа. По правую руку можно было найти парковку, маленький магазин и крошечную стоянку для трейлеров — из дома ее не было видно. Слева впадала в море речушка, которая брала начало в холмах несколькими километрами выше и мягко катила свои воды среди скал, чтобы здесь, внизу, разлиться и замедлиться, образуя лагуну. За ней тянулись дюны — далеко, до самого горизонта, где можно было разглядеть полоску аэродрома и изредка мелькавшие там серебряные крылья самолетов, поднимавшихся в воздух и исчезающих над морем. Весь этот мир — от взлетной полосы до стоянки для трейлеров, от главной дороги до края моря — принадлежал Джинни.

Во-первых, потому что она отлично знала эти места, за годы жизни здесь изучив каждый сантиметр этого слоеного пирога, этого маленького